

Эгоизм и моральное благо в европейской этической традиции

Резюме: в докладе рассматривается соотношение между понятиями морального блага (= добродетели) и эгоизма в истории европейской этики. Я пытаюсь показать, что распространенное в новоевропейской этике представление, согласно которому «подлинная» добродетель не может мотивироваться эгоистически, обусловлено конкретной дискурсивной логикой, которая не является единственно возможной и имеет влиятельные исторические альтернативы (прежде всего – в античной этике).

Основные тезисы:

I. Постановка вопроса: существует представление, что нравственная добродетель и эгоизм несовместимы. Точнее:

а) эгоистическое благоразумие (*prudence* = стремление агента к максимизации собственного блага и минимизации собственного зла) следует отличать от морали (*morality*) таким образом, что

б) оно в принципе не может мотивировать «подлинную» или «истинную» добродетель, которая тем самым должна быть исключительно «бескорыстной» и «незаинтересованной», и

в) этический эгоизм оказывается заведомо немислим как нормативная теория морали (этическим эгоизмом была бы нормативная теория, согласно которой морально правильна та активность, что способствует благу самого агента, и именно по этой причине, а морально неправильна – та, что способствует злу самого агента, и именно по этой причине).

II. Я хочу показать, что это несамоочевидная логика, которая исторически обусловлена и имеет альтернативы. На мой взгляд, с этой точки зрения, можно выделить три базовых типа этического дискурса, которые я кратко описываю ниже, и указанная логика становится возможна только во втором из них:

1. Счастье = совокупность *всех* благ, т.е. и моральных (более того, моральные блага преподносятся как самый важный, если не единственный, компонент счастья). Потому моральное благо – естественный и неизбежный объект *эгоистического* интереса (с учетом того, что все хотят счастья для себя). Требовать, чтобы стремление к моральному благу и добродетели было абсолютно бескорыстным и незаинтересованным, в этом случае просто не имеет смысла (если не иметь в виду под этим исключительно его независимость от неморальных благ), п.ч., стремясь к добродетели, агент по определению стремится к тому, что *само по себе* способствует его счастью, т.е. главному объекту эгоистического интереса.

Примеры: эвдемонистически-перфекционистский дискурс, разделявшийся в античности платониками, стоиками и перипатетиками, а в средние века – к примеру, Аквинатом.

2. Счастье = совокупность *исключительно* неморальных благ. Моральное благо само по себе не есть его компонент и может способствовать ему лишь опосредованно (или инструментально), но это совершенно не обязательно; более того оно может вступать в абсолютный конфликт с счастьем, когда агент вынужден выбирать между счастьем и добродетелью. Таким образом, само по себе моральное благо изначально *не может* быть объектом эгоистического интереса. В этой ситуации и имеет смысл утверждать, что

истинная добродетель (понятие которой может определяться исходя из разных нормативных теорий – теонимных, деонтологических, альтруистических) абсолютно бескорыстна и незаинтересована, т.е. ни в коем случае не мотивирована эгоистическим стремлением к собственному счастью, редуцированному к неморальным благам, п.ч., стремясь к добродетели как таковой, агент стремится к тому, что *само по себе* вовсе не способствует его счастью, а, если он поступает морально правильно, исходя из эгоистической мотивации, то он на самом деле и стремится не к добродетели, но к счастью.

Примеры: теонимный вариант в средние века – у Ансельма (который, вероятно, и есть родоначальник этого подхода); деонтологический – у Канта; альтруистический – у Хатчесона и Шопенгауэра.

3. Счастье = совокупность *исключительно* неморальных благ (фактически редуцируемых, например, к удовольствию или к удовольствию и самосохранению). Моральное благо *состоит* в том, чтобы максимизировать такое счастье для самого себя, т.е. максимизация собственного счастья и есть нормативный стандарт *моральной* правильности действий. Конфликт между эгоистическим благоразумием и добродетелью снимается за счет того, что эгоистическое благоразумие «морализируется» и объявляется естественным принципом *самой* добродетели.

Примеры: эпикуреизм и, возможно, как минимум элементы этого подхода у Спинозы и Гоббса.